

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕРЕГ

ГЛАВА 1

Они уже почти доехали до дома мистера Стайлза, и тут только Анна поняла, что отец нервничает. Вначале ее занимало само их путешествие: машина плавно неслась по Оушен-паркуэй, будто они отправились в Кони-Айленд; на самом же деле четыре дня назад было Рождество, и холодина стоит — совсем не для пляжа. А дом-то какой! Трехэтажный дворец из золотистого кирпича, окон — не счесть, и над каждым трепещет на ветру маркиза в желто-зеленую полоску. Дом — последний на улице, за ним море.

Отец осторожно остановил модель “Джей” у обочины, выключил двигатель и сказал:

— Зайка, не надо украдкой коситься на дом мистера Стайлза.

— Я и не собираюсь коситься на его дом.

— Да ты уже сейчас косишься.

— Нет, — возразила она, — я просто щурю глаза.

— Когда косятся, обычно щурятся, — сказал он. — Ты сама определила смысл слова.

— А у меня это разные слова.

Он резко повернулся к ней:

— Не косись!

И тут до нее дошло. Она услышала, как он нервно слотнул ком в горле, и у нее в животе тревожно екнуло. Она не привыкла видеть отца в таком волнении. Растерянным — да, видела. И поглощенным своими мыслями, конечно, тоже.

— А почему мистер Стайлз не любит, когда косятся? — спросила она.

— Этого никто не любит.

— Ты мне про это не говорил.

— Хочешь вернуться домой?

— Нет, спасибо.

— Я могу тебя отвезти.

— Если я буду коситься?

— Если из-за тебя у меня разболится голова, а на то похоже.

— Если повезешь меня домой, — заметила Анна, — то сильно опоздаешь.

Ей показалось, что он вот-вот влепит ей пощечину. Такое однажды уже было: подслушав перебранку матросов на причале, она длинно, смачно выругалась, и в ту же секунду его ладонь обожгла ей щеку. Та пощечина запомнилась Анне надолго, но, как ни странно, смутное воспоминание о ней лишь добавило ей дерзости.

Отец потер лоб над переносицей и обернулся к дочери. Благодаря ей нервозность у него как рукой сняло.

— Анна, ты ведь знаешь, что мне от тебя нужно.

— Конечно.

— Пожалуйста, займи детей мистера Стайлза — ты ведь умеешь, а я тем временем поговорю с мистером Стайлзом.

— Я, папа, так и думала.

— Еще бы, ты же умница.

Она вылезла из машины, распахнутые глаза заслезились под ярким солнцем. Раньше, до биржевого краха, это был их собственный “дюзенберг”, модель “Джей”. Теперь он — собственность профсоюза, но отцу разрешают пользоваться автомобилем для разных профсоюзных дел. После уроков Анна с удовольствием ездит с ним на ипподром, в церковь на об-

щинные завтраки, а то и в административные здания, где лифт возносит их на верхние этажи, иногда даже в один из ресторанов. Но в частный дом она попала впервые.

Отец дернул ручку дверного звонка; дверь открыла миссис Стайлз: брови у нее тщательно выщипаны и подведены, как у кинозвезды, длинные губы накрашены блестящей алой помадой. Анна была уверена, что ее собственная мать красивее всех женщин, которых ей доводилось видеть, но неоспоримое очарование миссис Стайлз ошеломило ее.

— Я надеялась познакомиться с миссис Керриган, — хрипловатым голосом сказала миссис Стайлз, не выпуская из рук ладонь отца Анны. Он объяснил, что утром прихворнула младшая дочка, и жена осталась с ней.

Мистера Стайлза нигде не было видно.

Анна вежливо, но (как она надеялась) без тени благоговения взяла стакан лимонада с серебряного подноса — его поднесла чернокожая горничная в форменном голубом платье. Пол в холле был начищен до блеска, и Анна увидела свое отражение в красном платье, его сшила ей мать. За окнами прилегающей к холлу гостиной под бледным зимним солнцем поблескивало море.

Табате, дочке миссис Стайлз, всего восемь лет, на три года меньше, чем Анне. Но Анна не противилась, когда малышка взяла ее за руку и повела в детскую; судя по немислимому количеству игрушек, детская предназначалась исключительно для игр. Анне сразу бросились в глаза кукла “Флосси Флерт”, несколько огромных игрушечных медведей и лошадка-качалка. Была в детской и няня, веснушчатая женщина со скрипучим голосом; шерстяное платье едва выдерживало напор ее увесистого бюста — ни дать ни взять битком набитая книжная полка. Лицо у няни широкое, глаза искрятся весельем; наверняка ирландка, догадалась Анна и тут же оробела: а вдруг няня видит Анну насквозь? И решила держаться от нее подальше.

Два мальчугана — скорее всего, близнецы, во всяком случае, их запросто можно перепутать, — пытались собрать

рельсы игрушечной электрической железной дороги. Няня наотрез отказалась им помогать. Анна присела на корточки возле кучки рельсов и предложила свою помощь. Логика механической сборки давалась ей легко, и, видя, как мучаются над незатейливой задачей другие, она всякий раз заключала, что они просто не дают себе труда ее решить. Они ведь только таращатся на нее, а от этого толку мало: все равно, что *трогать* картинку, вместо того чтобы внимательно ее разглядеть. Несмотря на все старания, мальчики никак не могли подсоединить очередную секцию рельсов; Анна закрепила ее и достала из только что открытой коробки еще несколько секций. На поезде эмблема “Лайонел”; электрические игрушки этой фирмы недаром славятся высоким качеством: один резкий щелчок, и рельсы сцеплены. Не прерывая сборки, Анна время от времени поглядывала на полку: там между книг была втиснута кукла. Два года назад Анна мечтала получить именно такую. Ей даже казалось, что кусочек давнего острого желания словно бы отломился и застрял у нее в груди. И вдруг сейчас, в этом доме, тот осколок кольнул Анну. Чудно. Табата прижимала к груди подаренную ей на Рождество новую куклу в лисьей шубке — точь-в-точь Ширли Темпл. Девочка заворованно наблюдала, как Анна собирает рельсы для подаренной братьям игрушечной железной дороги.

— Ты где живешь? — спросила она.

— Недалеко.

— Возле пляжа?

— Ага, рядом.

— Можно мне приехать к тебе домой?

— Конечно, — ответила Анна, сноровисто сцепляя рельсы, которые подавали ей мальчики. “Восьмерка” уже почти готова.

— У тебя есть братья? — спросила Табата.

— У меня сестра, — сказала Анна. — Ей восемь лет, как тебе, но она вредная. Потому что очень красивая.

— Очень — это как? — встревоженно спросила Табата.

— Ужасно красивая, — без тени улыбки ответила Анна и добавила: — Она похожа на нашу маму, а мама танцевала в “Безумствах”^{*}.

И тут же спохватилась: зачем это она вдруг расхвасталась? “*Без необходимости никогда ничего никому не выкладывай*”, — вспомнилось давнее наставление отца.

Обед им накрыли там же, в игровой комнате, прислуживала все та же негритянка. Они, как взрослые, сели на стульчики и положили на колени хлопчатобумажные салфетки. Анна время от времени поглядывала на Флосси Флерт. Ей очень хотелось поддержать куклу, но она не подавала виду, как сильно занимает ее эта игрушка. Ей бы только покачать Флосси Флерт на руках, и все, больше ей ничего не надо.

После обеда в награду за хорошее поведение няня разрешила детям надеть пальтишки и шапки и через заднюю дверь выйти на дорожку, что вела из дома мистера Стайлза на частный пляж. Длинная, припорошенная снегом песчаная дуга полого спускалась к самой воде. Анна много раз бывала зимой в доках, а вот на пляже — никогда. Из-под тонкой ледяной пленки, которую Анна разбивала ногами, выплескивались крохотные волны. Под буйными порывами ветра чайки с пронзительными криками пикировали к самой воде; их белоснежные брюшки блестели на солнце. Близнецы прихватили с собой лучевые ружья “Бак Роджерс”^{**}, но из-за сильного ветра выстрелы и смертные муки жертв выглядели беззвучной пантомимой.

Стоя на кромке воды, Анна не сводила глаз с моря. Оно одновременно и манило, и отпугивало. А если бы вся эта вода разом исчезла, что явилось бы на свет? Пейзаж, усеянный затонувшими предметами: потопленными кораблями, скрытыми в пучине сокровищами — золотом, драгоценными

* “Безумства” — труппа американского театра варьете, выступавшая в Нью-Йорке на Бродвее с 1907 г. до середины 1930-х гг. *Здесь и далее прим. перев.*

** “Бак Роджерс” — американская настольная ролевая игра, в которой игроки осваивают космическое пространство, используя, в частности, “лучевое оружие” будущего.

камнями, там обнаружился бы и браслет с брелоками — тот, что соскользнул с ее руки в ливнесток. “И утопленники”, — посмеиваясь, всякий раз вставлял отец. Океан казался ему пустыней.

Анна посмотрела на жавшуюся к ней Табби (так звали девочку домашние); ей хотелось поделиться с малышкой своими чувствами. Порой куда легче открыть душу не родне, а незнакомым людям. Но Анна лишь повторила фразу, которую много раз слышала от отца: “В поле зрения ни единого судна”, — говаривал он, оглядывая пустой горизонт.

Волоча по песку лучевые ружья, мальчики брели к линии прибора; следом, отдуваясь, шагала няня.

— Филип, Джон Мартин, к воде даже близко не подходить! — неожиданно зычным голосом скомандовала она. — Ясно?

Затем сурово глянула на Анну — ведь это она повела их сюда — и развернула ребят назад, к дому.

— У тебя туфли промокли, — стуча зубами, сказала Табби.

— Может, лучше их снять? — раздумчиво предложила Анна. — И почувствовать взаправдашний холод?

— Не хочу я его почувствовать!

— А я хочу.

Анна расстегнула ремешки черных лакированных туфель; эти туфли она носила на пару с Зарой Клейн, соседкой ниже этажом. Затем аккуратно скатала с ног шерстяные чулки и опустила белые костлявые, не по возрасту длинные ступни в ледяную воду — в тот же миг от ступней взвилась острая боль и кольнула сердце, но, как ни странно, в этой боли была своя приятность.

— Ну как? — пискнула Табби.

— Холодно, — ответила Анна. — Жуть как холодно.

Ей стоило большого труда удержаться и не выпрыгнуть из воды; собственная стойкость даже обострила странное, но по-своему приятное возбуждение. Она обернулась в сторону дома и увидела двух мужчин в темных пальто: они шли с пля-

жа по мощеной дорожке. Оба придерживали от ветра шляпы и очень напоминали актеров немого кино.

— Это наши папы? — спросила Анна.

— Папа любит обсуждать дела на свежем воздухе, — объяснила Табби. — *“Подальше от посторонних ушей”*.

Анна великодушно посочувствовала малышке: стало быть, отец не держит Табату в курсе своих дел, а вот Анне не возбраняется подслушивать деловые разговоры, если она того хочет. Ничего особо интересного она не услышала. Отец был обязан передавать поздравления, добрые пожелания членам профсоюза и другим людям, их друзьям. Случались и иные знаки расположения, к примеру конверт, иногда сверток. Отец передавал или забирал их как бы между прочим; если невзначай отвлечешься, ничего и не увидишь. В последние годы он, сам того не замечая, подолгу разговаривает с Анной, а она исправно слушает, не понимая того, что услышала.

Ее удивило, что отец говорит с мистером Стайлзом оживленным, фамильярным тоном. Видимо, они приятели. Несмотря на все вокруг.

Мужчины свернули с дорожки и зашагали по песку к Анне и Табби. Анна поспешно выскочила из воды, но туфли были далеко, где уж тут успеть в них влезть. Мистер Стайлз оказался крупным импозантным мужчиной; из-под шляпы виднелись черные, намазанные бриллиантином волосы.

— Слушайте, это что, ваша дочка? — спросил он. — Терпит арктический холод, а на ногах даже чулок нет!

Анна мгновенно почувяла, что отец недоволен.

— Она самая, — подтвердил он. — Анна, поздоровайся с мистером Стайлзом.

— Очень рада познакомиться, — сказала она и крепко — как учил отец — пожала протянутую руку, глядя прямо в лицо мистеру Стайлзу.

С виду он моложе ее отца: ни морщин, ни кругов под глазами. Однако в нем чувствуется некая настороженность, из-под парусящего на ветру пальто исходит почти ощутимое на-

пряжение. Можно подумать, он готовится к чему-то — то ли неожиданному, то ли забавному. В данную минуту этим чем-то оказалась Анна.

Мистер Стайлз присел перед ней на корточки и, глядя в глаза, спросил:

— Почему ты босиком? Ты что, не чувствуешь холода или интересничаешь?

Анна не нашлась, что ответить. Ни один вариант не подходил. Наверно, ей подсознательно хотелось, чтобы Табби и дальше трепетала от страха и терялась в догадках.

— Зачем мне интересничать? Мне уже почти двенадцать лет, — сказала она.

— Ну, и что ты чувствуешь?

Несмотря на ветер, она уловила исходивший от него запах спиртного и мяты. А отец-то не слышит их разговора, мелькнуло у нее в голове.

— Больно только сначала, — сказала она. — А потом вообще ничего не чувствуешь.

Мистер Стайлз довольно ухмыльнулся, будто он не ответ услышал, а перехватил трудный пас и физически наслаждается удачей.

— Прямо жизненный девиз, — проронил он и поднялся во весь свой огромный рост. — Дочка ваша — крепкий орешек, — бросил он отцу Анны.

— Что верно, то верно, — отозвался тот, не глядя на Анну.

Мистер Стайлз стряхнул с брюк песок и повернул к дому. Эпизод уже был исчерпан, он готовился к следующему. “Они крепче нас, — услышала Анна его слова, обращенные к ее отцу. — Наше счастье, что они этого не сознают”. Она ждала, что он обернется, но он уже, видимо, забыл про нее.